

Сергей Тармашев
Ареал. Обречённые

Ареал, Красная Зона, 49 километров от места падения Ухтинского метеорита, 7 августа 2009 года 18.45 время Московское.

Идущий замыкающим Зомби обернулся, и Берёзов замер, притаившись за тем, что когда-то было деревом. Противник скользнул взглядом по редким клочкам густой растительности, устилавшим окружающую местность, и, не обнаружив ничего подозрительного, отвернулся и ускорил шаг. Иван выждал пару секунд для большей надёжности и осторожно двинулся дальше, стряхивая с лицевого щитка противогАЗа надоедливое насекомое. Скорее всего, это была Синька, точнее, её местная мутация фиолетового цвета, во всяком случае, кишела она повсюду в количествах, никак не уступавших Жёлтой Зоне. Берёзов пытался было называть её «Фиолеткой», но звучало это довольно коряво, и для себя он решил название не менять, чтоб лишний раз не путаться в изменившихся реалиях. Тем более, что изменений хватало и без этого.

Он шёл по следу отряда Зомби почти два часа, и только сейчас, наконец-то, смог уверенно приблизиться к ним на расстояние визуального контакта. В других условиях Иван выследил бы столь крупную группу противника гораздо быстрее, но Красная Зона оказалась настолько отличной от всех ранее увиденных им территорий Ареала, что даже просто привыкнуть к тому, что есть вокруг, оказалось непросто. Берёзов мысленно хмыкнул. Болт был более чем прав, когда говорил, что здесь всё по-другому...

Едва Иван пересёк призрачную границу Красной Зоны, ему пришлось непроизвольно залечь, чтобы понять, что вообще тут творится. Первое, что произошло в следующее мгновение, было ощущение тёплого воздуха и оранжево-жёлтая вспышка в глазах, шириною во всё небо. Секунд десять Берёзов не шевелился, но вспышка так и не гасла, после чего стало ясно, что никакой вспышки не было. Он смотрел на местное небо, которое имело именно такой цвет. Оранжево-жёлтая рассеянная муть с бледно-голубым, словно выцветшим, пятном солнца с нечёткими размытыми краями. Берёзов вспомнил лекционную информацию о температурном режиме Зон. В каждой из них она круглогодично стандартная и по мере приближения к Эпицентру изменяется на три с половиной градуса от Зоны к Зоне. Значит, сейчас вокруг него ровно тридцать градусов по Цельсию. Где-то в уголке сознания мелькнула радостная мысль о том, что он правильно решил не брать душную «Мембрану», тут же уступившая место профессиональным навыкам. Берёзов осмотрелся.

Раньше красная, резина почвы теперь сильно потемнела и приобрела багровый оттенок. Густой покров синей растительности стал фиолетовым, жёлтые потёки превратились в оранжевые, привычные очертания деревьев и кустарников исчезли, уступив место разновеликим толстым обрубкам, лишённым ветвей и густо покрытым странным мясистым мхом. Высокие и объёмистые столбы, судя по всему, являлись деревьями, а более мелкие и собранные в густые пучки, несомненно, представляли собой местный кустарник. Мясистый мох, которым обросла здешняя растительность, словно сползал по её поверхности вниз, покрывая собой багровую почву вокруг, но не распространялся слишком далеко, вследствие чего земля имела довольно густую сеть из множества проплешин.

Но всё это оказалось лишь антуражем, привыкнуть к которому являлось лишь вопросом времени. Гораздо большей неприятностью оказалась царящая здесь активность аномалий. Проще всего это подходило под описание оживлённой проезжей части, среди которой неожиданно для себя и появился Берёзов. Вокруг него хаотично сновали десятки всевозможных аномалий, временами не уступая в скорости настоящим автомобилям. Едва Иван прошёл с десятков метров, как ему пришлось отпрыгивать в сторону, пропуская мимо себя Сито крупных размеров, ещё через полсотни шагов в спину едва не врезалась Воронка. Вскоре стало ясно, что оставаться на одном месте дольше, чем на пару минут, здесь попросту невозможно, траектория движения какой-нибудь летающей дряни обязательно совпадёт с твоим местонахождением. Но это были ещё не все сюрпризы, осложняющие передвижение. На пути постоянно встречались обширные области ядовитого газа, медленно ползущие куда-то вдаль, и очень скоро Берёзов пришёл к выводу, что противогАЗ проще не снимать вообще. Это осложняло дыхание и вынудило его замедлить темп. Хорошо ещё, что «ареаловская» модель с широким лицевым щитком минимально сокращала обзор.

Первые четверть часа он ежесекундно прислушивался к себе, готовясь рвануть назад при первых признаках чего-то, что могло быть Зовом Ареала. Но, так ничего и не почувствовав, сосредоточился на

окружающей обстановке. Даже имея в руках «Ариадну», смотреть приходилось в оба и сразу во все стороны.

Именно это и спасло Берёзова, когда нечто длинное и тонкое с неуловимой быстротой метнулось к его горлу. Иван как раз вертел головой, оценивая безопасную траекторию движения через особенно опасный участок местности, и периферийное зрение засекло стремительное движение. Берёзов резко припал на колено, пытаясь выйти из-под удара, и нечто, промахнувшись мимо горла, хлестнуло его по спине и вцепилось в раненую руку. Вспышка острой боли на мгновение затуманила сознание, и он изо всех сил попытался удержаться от забытья, судорожно стискивая кулак с зажатой «Ариадной». Придя в себя спустя секунду, Иван обнаружил, что в его руку вплелось покрытое присосками длинное узкое щупальце, которое волоком тащит его к ближайшим зарослям обрубков. В памяти ярко вспыхнула картинка засеявшего в кустах Осьминога, выплёвывающего ядовитую струю на трёхметровое расстояние, и Берёзову стало не до соблюдения режима скрытности. Он рванулся, высвобождая из-под себя сжимающую пистолет руку, и, мгновенно переключив переводчик огня в режим стрельбы очередями, ткнул стволом АПС в кожистое щупальце и нажал на спусковой крючок. Автоматический пистолет забился в руке, изрыгая очередь, и свинцовый поток разорвал щупальце, обдавая фиолетовый мох кислотной-зелёной кровью и ошмётками плоти. Из — кустов раздался визгливый писк, противно резанувший по ушам, и обрубок щупальца скрылся в зарослях. Что-то мерзко булькнуло, и из фиолетовых кустов в человека ударила струя дымящейся грязно-жёлтой жидкости. Ожидая чего-то подобного, Иван успел перекатиться в сторону, и летящий сгусток ядовитой жижи тяжело плюхнулся в полуметре от человека. Берёзов выбросил руку с пистолетом в сторону зарослей и прицельно произвёл пару коротких очередей. С противоположной стороны кустов из растительности выскользнул довольно большой клубок кишачих щупальцев и с противным визгом укатился прочь, подрагивая конечностями в такт судорожным движениям, словно студень. Мерзкая тварь, оставляя за собой ядовито-зелёный кровавый след, довольно бодро описала крюк, огибая встречную аномалию, и скрылась в дальних кустах.

Опасаясь атаки Зомби, которые наверняка слышали выстрелы, Берёзов, морщась от пронзающей руку боли, коротким рывком вскочил на ноги и поспешил к скопищу фиолетово-оранжевых обрубков, в чаще которых только что пряталась тварь. Раз она там сидела, стало быть, место безопасное. Всё лучше, чем на открытом пространстве. Достигнув растительности, Иван вломился в чащу жёстких обрубков и присел на колено, скрываясь из виду. Он торопливо вложил АПС в кобуру и, выхватив нож, попытался освободить раненую руку от опутавшего её обрывка щупальца. Это оказалось не просто очень сложно, но ещё и очень больно. Вероятно, тварь была чем-то вроде местного Осьминога, а может, тут все такие, как бы то ни было, её присоски тоже имели в самом своём центре небольшие острые крючья, подобно рыболовным. Их кривые наконечники вонзились в кожу, намертво приковывая к руке щупальце, и Берёзову пришлось срезать с себя щупальце по кускам и лишь потом надрезать себе кожу и остриём ножа выдёргивать из руки крючья присосок. К тому моменту, когда он полностью освободил руку, от рукава остались лишь изрезанные и изодранные лохмотья, насквозь пропитанные кровью, а в голове от долгой и резкой боли словно бил набат.

Пришлось потратить несколько минут, чтобы хоть немного прийти в себя. Когда боль отступила и дыхание восстановилось, Иван понял, что у него нет с собой никаких перевязочных средств. От Фронтоника он выходил и вовсе пустой, не считая трофейного пистолета, а ИПП (индивидуальный перевязочный пакет), что он взял с собой в оружейной комнате перед вылетом на задержание Ферзя, остался в под сумке разбитого осколками взрыва «Латника». Он так сильно торопился освободить Лаванду, что даже не вспомнил об этом. Берёзов мысленно отчитал себя за столь непростительную для профессионала оплошность. Теперь придётся оставить рану как есть, рискуя подхватить воспаление или заражение. Он мгновение размышлял, не отрезать ли от камуфляжа кусок ткани, чтобы перемотать кровоточащие порезы. Совсем не стерильно, но хоть новая грязь не попадёт, если вновь придётся по земле кувыряться... И вдруг понял сразу две вещи. Первая заключалась в том, что раны уже не кровоточили. В обычных условиях он потерял бы значительно больше крови, здесь же кровотечение оказалось слабым и быстро прекращалось, что свидетельствовало о высокой скорости свёртываемости крови. Вероятно, срабатывал эффект той самой обратной регенерации, о которой рассказывала Лаванда. А от полученного им в недавнем бою с Зомби ранения и вовсе осталось лишь

крупное чёрное пятно на коже. По всему выходило, что и эти порезы заживут быстро, и Иван решил не тратить время на перевязку.

И второе: за всё время, что он провозился с рукой, через заросли не прошла ни одна аномалия, а ведь их вокруг было достаточно много. Это стоило проверить, и следующие пять минут он наблюдал за поведением небольшой Гравы, хаотично плавающей недалеко от него. Аномалия чувствовала человека и не торопилась уходить дальше, однако и поглотить его явно не имела возможности. Проследив за парой соседних Воронок и ползущей мимо кустов Плешью, Берёзов убедился, что, по крайней мере, к этим и похожим на них таким же обрубкам аномалии не приближаются. Однако более мелкие пучки местной растительности преград для них не представляют, а мощные газовые облака, медленно перекатывающиеся вдаль, так и вовсе двигаются напролом, через всё подряд. Значит, некая зависимость от типа аномалии и размера препятствия на её пути всё же есть. Это стоило запомнить и по возможности выяснить поподробнее.

Теоретически, данная информация могла существенно увеличить скорость движения. Если перемещаться от одного островка растительности к другому, можно снизить риск столкновения с аномалиями. Избегать придётся лишь тех, что прямо попадают на пути. Но зато резко возростал риск повстречаться с жильцами местных «оазисов». На второе такое отрезание от себя щупальцев его здоровья может и не хватить... Поразмыслив, Иван решил без крайней необходимости всё же к кустам не приближаться, тем более что Зомби на звуки выстрелов не пришли. Он отёр повлажневшие от напряжения ладони, стряхнул с висящего за спиной 9А-91 выдранные пучки фиолетового мха и привычно взял «Ариадну» в левую руку, а пистолет в правую. Ещё раз убедившись, что ни один из возможных противников не явился на поднятый стрельбой шум и никто не поджидает его за какими-нибудь скоплениями замшелых обрубков, Берёзов осторожно выскользнул из фиолетовых кустов и перешёл на лёгкий бег.

Минут через двадцать движения ему удалось приноровиться к постоянному уклонению от снующих повсюду аномалий, но бежать быстрее он не решился. Бег в противогазе изматывает гораздо сильнее и быстрее, чем обычный кросс, и рисковать Берёзов не стал. Не хватало ещё вымотаться и из-за этого не успеть уклониться от какой-нибудь летящей или ползущей дряни. Вариантов умереть вокруг предостаточно, и он поймал себя на мысли, что решительно не понимает, как Болт вообще ходит в Красную Зону, тем более без «Ариадны». Лично он добровольно не вернулся бы сюда даже с ней. А как тут прошёл тот мужик из спецназа ГРУ — и вовсе думать не хотелось. Зато тот факт, что легендарный Сёма Чих вернулся отсюда безногим — вот это, как раз, и не удивляет. Смерть тут не просто поджидает повсюду, но и старательно тебя разыскивает, шныряя туда-сюда в виде скоплений бушующих энергиями и разнообразной ядовитой дрянью сгустков, облаков и ползающих пятен всевозможных размеров. И не каждый из этих подарков Красной Зоны можно просто пропустить мимо себя. Трижды Берёзову попадались Соленоиды, которые пришлось обходить по довольно большой дуге. Пару раз он был вынужден предпринять тот же манёвр, приблизившись к Жаровне и Зыби, причём последняя, явно почувствовав добычу, уже качнулась в его сторону. Пришлось рвануть с ускорением, чтобы не испытывать удачу на прочность.

К тому моменту, когда Ивану удалось сблизиться с отрядом Зомби на достаточное расстояние, он изрядно устал от этой непрекращающейся игры в догонялки с бесконечной чередой сменяющих друг друга аномалий. Хорошо ещё, что ему больше не попадалось местное зверьё. Вероятно, они уходили подальше при приближении отряда. Благодаря этому Берёзов мог двигаться за Зомби короткими быстрыми перебежками от одного очага растительности к другому, оставаясь при этом незамеченным. Сейчас бы снять противогаз хотя бы на пять минут и отдышаться по-человечески, но «Ариадна» красноречиво показывала в двух десятках метров слева газовое облако огромных размеров, ползущее параллельным курсом. Если оно внезапно изменит направление в его сторону, да ещё и увеличит скорость движения... В общем, лучше не рисковать.

Вскоре стало ясно, что отряд Зомби специально движется вдоль кромки облака. Блуждающих аномалий здесь было гораздо меньше, зверьё благоразумно ушло подальше от опасности, и именно поэтому кусты, встречающиеся ему на пути, были необитаемы. Интересно, газовые аномалии имеют Зов? Стоило бы поинтересоваться у Болта или Раса, какие из них вообще имеют Зов, а какие не имеют, да всё не до того было. Ведь ясно, что не все. Когда Спецотряд попал под Жаровню, никто не рванул в

аномалию навстречу смерти, а она была немаленькой. В любом случае, командир Зомби наверняка неплохо разбирался в Ареале до зомбирования, раз сохранил навыки управления подразделением на таком уровне. Его отряд двигался грамотно и слаженно, чётко обходя аномалии, движение возле которых не представляло повышенной опасности, и синхронно останавливаясь, чтобы заранее пропустить мимо те из них, приближаться к которым не стоило. Однажды они даже улеглись на землю и по-пластунски проползли под довольно мощным Магнитом, едва заметно парящим на высоте пяти метров. Берёзов последовал за ними, и когда Зомби, миновав опасный участок местности, начали подниматься на ноги, заметил Лаванду.

Она шла в передних рядах отряда вместе с Ферзём, и оба они двигались, на первый взгляд, совершенно добровольно. По крайней мере, на них не было никаких верёвок или наручников. В случае с Машей, возможно, это действие наркотика, который вколол ей Ферзь в момент захвата, а возможно, она попала под влияние Зова — это ничего не меняет. Берёзов решительно тряхнул головой. Он вытащит Лаванду отсюда напрямик в ГНИЦ, а там разберутся. Не может быть, чтобы для неё всё было потеряно. Ведь оклемался же тот мужик из грушников. Значит, и у неё есть шанс. Надо только отбить её у Зомби. Иван посмотрел в небо. Через пару часов начнёт смеркаться, интересно, как Зомби видят в темноте? Они и ночью будут топтать вперёд, как заведённые, или у них всё-таки есть потребность в сне и отдыхе? Движение по Красной Зоне представляло собой бесконечную череду изощрённых зигзагов и полукругов, перемежающихся остановками, и, по его подсчётам, к наступлению темноты они не продвинутся дальше середины Красной. Если Зомби остановятся на ночёвку, это будет лучшей возможностью для попытки освободить Лаванду. Берёзов в который раз огляделся вокруг, убеждаясь, что обстановка в норме, и вложил АПС в кобуру. Он осторожно пощупал раненую руку и удивился, разглядывая рукав. Мало того, что раны практически затянулись и боли почти не чувствовалось, дыры на разрезанном камуфляже тоже стали в несколько раз меньше — ткань регенерировала с не меньшей скоростью. Что ж, тем лучше. Выяснить природу местных феноменов — это дело Лаванды. А его задача не изумляться уже свершившемуся факту, но воспользоваться предоставленными им возможностями.

В полночь выяснилось, что Зомби в отдыхе всё-таки нуждаются. Безмолвный отряд, в течение всего марша не издавший ни звука, остановился у небольшого леса из покрытых фиолетовым мхом обрубков-колонн, увенчанных редкими пучками оранжевой щетины. Их командир впервые за всё это время подал голос, отдавая несколько коротких команд. Прозвучавшие слова оказались первыми и единственными, и в полнейшей тишине отряд с почти механической синхронностью разбрёлся по лесу, распределяясь по трое под деревьями-обрубками. Зомби ночевали сидя, усаживаясь вплотную к колоннам деревьев, и явно старались как можно плотнее прижаться к ним спиной, а плечом — к плечу соседа. Едва закончив приготовления ко сну, они надевали противогазы, закрывали глаза и более не подавали признаков жизни. Спустя пять минут отряд уже спал, лишь четверо часовых медленно бродили среди деревьев, напоминая бездушные заводные куклы.

Берёзов для надёжности выждал ещё полчаса. «Пора, темнее уже не будет, да и путь назад предстоит не простой, а с погоней за плечами — тем более». Он снял противогаз и аккуратно сложил его в противогазную сумку. Затем извлёк из кармана эластичную повязку Раса с «Филином» в кармашке и надел её на голову, убедившись, что метаморфит плотно прилегает к затылку. Ночная темнота погружённого во мрак леса тут же вспыхнула красными пятнами тепловых сигнатур живых тел. Иван осмотрелся. Помимо Зомби других существ на окраине леса не было, за исключением вездесущей фиолетовой Синьки. Вероятно, при их приближении зверьё ушло вглубь леса, потому что где-то там, довольно далеко, «Филин» показывал множество жизненных форм. «А ведь Лаванда и тут не ошиблась — радиус действия метаморфитов существенно возрастал по мере приближения к Эпицентру. Что ж, тем лучше. Это облегчает задачу». Берёзов достал нож и, стараясь производить как можно меньше шума, отрезал от своей камуфляжной куртки полосу ткани и тщательно перемотал кулак с зажатой в нём «Ариадной». Так будет надёжнее. Затем он снял со спины автомат и коротким отработанным движением свил ружейный ремень в короткую петлю, затянутую на левом предплечье. В результате 9А-91 оказался надёжно закреплён на левой руке, оставляя возможность при необходимости свободно манипулировать правой. Вот теперь можно работать без шума и с определённой степенью свободы хотя бы одной руки. Главное, сделать всё быстро.

Капитан аккуратно выполз из своего убежища среди кустов-обрубков и осторожно двинулся к опушке леса, обходя плывущие аномалии. Приблизившись на предельно безопасное расстояние, он взял на прицел голову ближайшего часового и замер, выбирая наиболее благоприятный момент. Пуля должна гарантированно и мгновенно разрушить мозг, чтобы Зомби умер прежде, чем остальные почувствуют его смерть. Если теория единого пси-поля верна, даже малейшая грубость в исполнении неизбежно повлечёт за собой немедленное пробуждение всего отряда. А это, минимум, провал. Максимум — и так понятно, что именно. Берёзов не спешил. «Невидимка» надёжно скрывает его от любых приборов и органов чувств, главное — не попасться на глаза. А сейчас темно. В Ареале вообще очень тёмные ночи, ни звёзд, ни луны. Незримые границы не пропускают яркий свет, и даже солнечные лучи рассеиваются по всему небу из яркого потока в равномерное и немного тускловатое свечение...

Спустя семь минут часовой, медленно бродящий среди спящих, оказался в каком-то десятке метров от дульного среза 9А-91. Для профессионала из «Альфы» это расстояние детское даже в кромешной тьме, не говоря уже о чётком отпечатке головного мозга цели, транслируемого «Филином» по зрительным нервам глаз. Иван плавно и уверенно нажал на спусковой крючок. Короткая бесшумная очередь из двух патронов безошибочно достигла точки прицеливания, и тяжёлые девятимиллиметровые пули превратили мозг часового в рваные ошметки. Зомби умер прежде, чем его тело потеряло равновесие. Берёзов бесплотной тенью скользнул дальше, и спустя полминуты следующая очередь, неслышная в тишине погружённого в ночь леса, уронила на землю второго часового. На оставшихся двоих противников он не пожалел ещё десяти минут, что позволило убрать их так же чисто.

Убедившись, что никто из Зомби не проснулся, Иван, не производя лишнего шума, заменил опустевший на треть магазин и в низком полуприседе скользнул в глубь леса. Разыскать Лаванду ему удалось не сразу. Свою «Преграду» она уже успела снять, скорее всего сразу после того, как попала под зомбирование. В стандартном камуфляже с противоголозом на голове женщина мало чем отличалась от остальных Зомби, тем более в практически кромешной тьме. Берёзов обнаружил её сидящей у одного из деревьев-обрубков плечом плечу с Ферзём и командиром отряда Зомби. Худенькая Лаванда не доставала плечами до дюжих мужиков и немного «выпадала» из этого живого треугольника. «Жаль, что противоголоз не позволяет заткнуть ей рот, — поморщился Берёзов, — придётся действовать быстро, а бежать — ещё быстрее». Он забросил за спину автомат и, осторожно взяв Машу за плечи, медленно потянул на себя, вытаскивая из группы спящих. Иван уже держал её на руках, когда глаза Лаванды открылись и она безразличным взглядом посмотрела на него сквозь мутный от оранжевой пыли лицевой щиток противоголоза.

— Тсс! — Тихо прошипел Берёзов, подавая ей знак молчать. — Это я, Иван. Радиопозывной Туман, вы узнаете меня? Не отвечайте. Я пришёл за вами. Молчите, пока не выберемся из леса!

Лаванда молча смотрела на него, не произнося ни слова. Казалось, слова капитана, как и само его присутствие, её несколько не интересуют. Хорошо, пусть хотя бы так. Если она будет так же послушно идти за ним, как шла за Ферзём, он попытается к утру вывести их из Красной Зоны. Теперь нужно разобраться с Салмацким.

Иван убедился, что Лаванда неподвижно стоит на месте, подобно истукану, и обернулся к Ферзю. Небольшой рюкзак, содержимое которого столь сильно интересовало Рентгена, одновременно являясь для Берёзова доказательством невинности, всё ещё был у Салмацкого на спине. Стало ясно, что снять его с Ферзя, пока тот жив, и при этом не поднять тревоги, абсолютно невозможно — бывший командир ОСОП навалился на рюкзак всем телом, плотно прижимая его к замшелому стволу древесной колонны. Стрелять, пусть даже в голову, явно не стоило: пули, пробив череп, ударят в дерево, и эти вибрации могут разбудить третьего Зомби. Оставался лишь один вариант.

Берёзов достал нож и беззвучно скользнул к Ферзю. Внезапно стоящая за спиной Лаванда издала истошный вопль и бросилась ему на спину, пытаясь вцепиться ногтями в горло. Иван рефлекторно сработал против запрыгнувшего сзади противника, бросая женщину через себя, и попытался подхватить её, но было уже поздно. Зомби мгновенно пробудились и вскочили на ноги. Ферзь и их командир одновременно рванулись к Берёзову, нанося удары, а рухнувшая на землю Лаванда вцепилась ему в ноги, словно африканский питон на охоте, изо всех сил пытаясь не дать ему

двигаться. Ивану удалось уклониться от атаки командира, но в следующую секунду Ферзь с ходу врезался ему в грудь, и Берёзов полетел наземь. Сгруппировавшись, он сделал всё, чтобы не упасть на висящий за спиной автомат, и смягчил удар от падения. Едва коснувшись земли, Иван мощным рывком освободил ноги из захвата Лаванды, но Салмацкий успел воспользоваться этой заминкой. Он всем телом навалился Ивану на грудь и с размаха нанёс сильный удар, целя кулаком в подбородок. Берёзов среагировал немедленно. Он резким движением шеи убрал голову с линии атаки, одновременно подставляя под летящий кулак лезвие ножа. Ферзь ударил в клинок, глубоко вспарывая себе руку, и глухо взвыл. Видимо, это оказалось слишком болезненно даже для притуплённых чувств Зомби. Берёзов отработанным приёмом вывернулся из-под Салмацкого, сбрасывая его с себя, заблокировал атаку командира отряда Зомби и хлестким ударом в подколенный сгиб вывел его из равновесия. Потом вскочил на ноги и в коротком поединке ножевыми ударами опрокинул нескольких Зомби, оказавшихся рядом. Молниеносным движением Иван вогнал нож в ножны и рванул из кобуры АПС, но в следующий миг острая боль вгрызлась в икроножную мышцу, заставляя его припасть на колено. Оказалось, что Лаванда, всё это время лежавшая на земле, улучила момент и, стянув противогаз, вцепилась ему в ногу зубами. Берёзов коротким ударом пистолетной рукоятки по голове отшвырнул её от себя и в упор выстрелил во вскакивающих с земли Ферзя и командира Зомби. Пули швырнули их обратно на землю, и в этот момент вокруг загрохотали выстрелы. Иван стремительным броском рванулся в сторону ближайшего дерева, стремясь уйти от пуль, выполнил несколько перекатов и, вжавшись в землю, пополз в темноту так быстро, как только мог.

Позади него командир Зомби, не обращая внимания на полученную пулю, уже стоял на ногах и коротко выкрикивал односложные команды, направляя своих подчинённых в погоню. Судя по отрывистым фразам, доносившимся до Берёзова, они стремятся захватить его в клещи и окружить до того, как Иван сможет удалиться достаточно далеко. «Чёрт, — скривился Берёзов, — попался же грамотный, на мою голову. Ползком не уйти». Он ткнул АПС в кобуру и сунул руку в гранатный подсумок. Боевых гранат не было, зато нашлась «Заря-2», что он собирался отдать Медведю ещё там, в Жёлтой, перед самым появлением Зомби. Тоже подойдёт. Иван поднялся на корточки, быстро надел противогаз, чтобы хоть как-то защитить уши, и с силой швырнул лёгкий цилиндр в сторону Зомби. Закрыв глаза и зажав уши ладонями, он дождался взрыва и, стараясь не обращать внимания на болезненный звон в голове, быстро побежал в ночную тьму, обходя подсвеченные «Ариадной» аномалии.

Спустя час, убедившись, что Зомби прекратили погоню, он нашёл стоящее у самой границы ядовитого газового облака дерево-обруб, окружённое толстыми спицами кустарника, покрытыми мхом, и устроился на ночлег. Подражая Зомби, он сел вплотную к дереву и прислонился к нему спиной, зажав в руке АПС. В качестве страховки Берёзов соорудил из автоматного ремня подобие растяжки, к которой прицепил пару магазинов, и натянул её среди кустарника со стороны наиболее опасного направления. Если кто-то полезет через кусты, пока он будет спать, то магазины загремят друг о друга. Это не ахти как громко, но вполне хватит, чтобы успеть проснуться и выстрелить в упор. В боевых условиях, когда на карту поставлена твоя жизнь, расслышишь и не такое. Засыпая, Иван пожалел, что у того бандита, что «подарил» ему АПС, не нашлось с собой его бесшумной модификации. Она была бы сейчас очень к месту. Ведь надо ещё вытащить отсюда Лаванду. И этот чёртов рюкзак Салмацкого... Нахрапом не получилось, стало быть, необходим более серьёзный план действий.

2

— Это не опасно, встречаться здесь? — Прокопенко боязливо скользнул взглядом по витрине небольшого торгового павильона, за которой маячил его охранник. — Телохранитель может заподозрить!

— Ничуть, — успокоил его Меркулов, с подобострастным выражением на лице прикладывая к пиджаку чиновника несколько модных галстуков на выбор. — Более того, это место гораздо надёжнее, чем столь любимый вами ресторан. Крупный торговый центр, множество людей, постоянный шум — всё это очень затрудняет наблюдение и прослушивание. Не считая принятых мною мер, разумеется.

Заокеанский резидент вышел на связь неожиданно, в тот самый момент, когда Прокопенко уже начинал тешить себя мыслью о гибели шпиона в бою с людьми Салмацкого. Меркулов прислал короткое сообщение на секретный сетевой адрес, в котором назначил встречу в одном из многочисленных павильончиков популярного ныне торгового центра «Врата Ареала», открывшегося в прошлом году неподалёку от ухтинского квартала РАО. Войдя в отдел галантереи, чиновник не узнал резидента в услужливом продавце, настолько профессионально был наложен грим. Кареглазый длинноволосый толстяк с роскошными бакенбардами и бородкой художника или литературоведа, облачённый в клёпаную кожаную куртку и винтажные джинсы, нарочито грубо заправленные в мощные ботинки стиля «милитари», походил на какого-нибудь неформала творческой натуры и абсолютно ничем не напоминал Меркулова. Расслабился Прокопенко лишь тогда, когда «художник-неформал» голосом резидента предложил ему выбрать новый галстук.

— Но служба безопасности может проверить этот магазин! — возразил чиновник, всё ещё опасаясь, что в его недогадливом охраннике ни с того ни с сего внезапно проснётся сообразительность. — Вдруг они заинтересуются моим появлением здесь!

— Пусть проверяют, — улыбнулся резидент, меняя разложенные перед Прокопенко галстуки, — может быть, этот? Очень оригинальное сочетание, между прочим, с эдаким скрытым подтекстом, весьма рекомендую! Что же касается службы безопасности, то, насколько мне известно, вы посещаете этот торговый центр довольно часто. В основном прогуливаетесь мимо отделов женского нижнего белья. — Он хитро улыбнулся: — Не думаю, что вас, москвича с достатком и предпочтениями, интересует местный товар. Рассматриваете девочек? А магазинчик этот принадлежит одному приезжему художнику с самого открытия. Просто сегодня продавец по болезни не смог выйти на работу, и хозяину пришлось подменять его лично.

— Какие ещё девочки? — насупился чиновник. — Я семейный человек с репутацией! На что вы намекаете? Моя неприхотливость всем известна! Мы с супругой приобретаем здесь для себя некоторые товары, так же, как и многие другие сотрудники РАО!

— О да, разумеется! — Немедленно поправился Меркулов, с едва заметной иронической улыбкой извлекая из фирменной коробки очередную галстук. — Вот ещё очень недурственный вариант, тоже советую обратить внимание. Настоящий «Кельвин Кляйн», самая новая коллекция! Прямая поставка с китайской фабрики. Кстати, та же самая партия, что поступила на прошлой неделе в московский ГУМ. Только ровно в семь с половиной раз дешевле! Никакого обмана, всё по лицензии. Специально предлагаю вам, учитывая вашу неприхотливость и экономию. Ведь вам необходимо держать марку, как-никак, РАО «Ареал» — единственное во всей России государственное учреждение, полностью лишённое коррупции, это всем известно! Кстати, та девица, Анжела, с которой вы покинули казино в последний раз, предпочитает ботики «Прада», если я правильно прочёл доклады моих людей? Нет-нет, Максим Анатольевич, не возражайте! — любвеобильно отмахнулся он при виде открывшего было рот Прокопенко. — Я прекрасно понимаю, то была всего лишь попутчица. Прекрасная незнакомка, которую вы, как истинный джентльмен, довели от казино до бутика, а затем до гостиницы. Разумеется, в знак благодарности она предложила вам чашечку чая, из-за чего вы и задержались в её номере на четыре часа. У меня даже есть видеозапись... чаепития. Но всё это ничего не значащие мелочи. — Меркулов держал в руках пару галстуков, поочередно переводя задумчивый взгляд с одного на другой. — Этот или этот? Они столь хороши, что я, право, и сам сомневаюсь в выборе. Я вызвал вас не ради обсуждения вашей тяжёлой жизни на одну зарплату и сопутствующих этому амурных походов. Меня интересует Салмацкий и этот полковник из ФСК, Рентген.

— Но мне о нём ничего не известно, — зашептал Прокопенко, — даже то, что он полковник! О Рентгене вообще никто ничего не знает, он словно из ниоткуда появился! Салмацкий и то не смог выяснить его настоящей фамилии!

— Ничто в этом мире не появляется из ничего, — философски изрёк резидент, — у всего есть своя история. Но этот случай, вынужден признать, действительно тяжёлый. Впрочем, те, кто посылал сюда этого Рентгена, знали, что, едва он разовьёт бурную деятельность, многие захотят навести о нём справки. Они подготовились к этому заблаговременно, и весьма неплохо. Итак, я знаю, что у Рентгена с Ферзём возникли некоторые трения. Что конкретно происходит? Рассказывайте, Максим

Анатолевич, и помните, что мы с вами в одной лодке. А я сравню ваше повествование со своими данными.

— Но я действительно ничего не знаю! — Прокопенко похолодел от страха. Едва всё стало нормализовываться, как оказалось, что ситуация практически вышла из-под его контроля. Он чувствовал, что у него остаётся всё меньше и меньше влияния на происходящее. Ферзь, Рентген, Меркулов — все они роятся вокруг него, словно взбешённые осы у разворошённого гнезда. И если московский контрразведчик есть прямая угроза, то остальные двое, всё это время являвшиеся для Прокопенко щитом, явно начинают терять к нему интерес. — О происходящем нет ни слова официальной информации! Служба безопасности молчит, словно воды в рот набрала! Ходят только слухи, один нелепее другого!

— А вы огласите те из них, что на ваш взгляд наиболее правдоподобны, — ободрил чиновника резидент. — Как говорят русские, дыма без огня не бывает, не так ли?

— Ну... сложно сказать вот так сразу... — замылся тот, — там всё одна сплошная небылица. Вроде бы тот сотрудник ОСОП, на которого Салмацкий перевёл все подозрения по укрывательству нелегальной лаборатории, не погиб, как было заявлено изначально. Он будто бы выжил в Жёлтой Зоне под Выбросом, вчера объявился на базе Спецотряда и первым делом связался с Рентгеном. Тот взял вертолёт, кучу солдат и вместе с ним помчался за Салмацким в Жёлтую Зону, Ферзь в тот момент как раз был там — ОСОП проводил операцию по эвакуации тел погибших в вашем... в том бою, где они одновременно попали в засаду и в какую-то совершенно жуткую аномалию. Спустя несколько минут по службе безопасности объявили боевую тревогу и вроде преследовали какой-то вертолёт, что ушёл в Жёлтую Зону и там разбился. Спустя ещё пару часов часть Спецотряда вернулась вместе с телами погибших, а часть осталась в Жёлтой. Вернувшиеся до сих пор молчат, как каменные. Вроде бы остальных Рентген увёл к лаборатории. Они вышли в Зелёную к полуночи, где были и чем занимались — никто не имеет ни малейшего понятия. Однако поговаривают, что ни Ферзь, ни тот сотрудник, что чудесным образом воскрес, с ними не вернулись. При этом никаких официальных заявлений об их гибели или о пропаже без вести, как положено в подобных случаях, не было. Что из этого правда, что нет — понять совершенно невозможно, народ смакует подчас совершенно нереальные подробности. Вроде того, что начальника одной из полевых научных лабораторий, молодую женщину, похитил отряд Зомби прямо с рабочего места, якобы с целью сделать её «женой полка», и тому подобный бред.

— Интересно, — оценил Меркулов. — А как вёл себя Рентген по возвращении? Он не изъявлял желания побеседовать с вами?

— Нет, — испуганно ответил чиновник, — вы считаете, что я попал под подозрение? Может быть, я должен бежать, пока ещё не поздно?..

— Спокойно, Максим Анатолевич, спокойно, — заулыбался Меркулов, — всё не столь плохо. Не надо нервничать, не то вам опять начнут мерещиться растяжки под машиной. И бежать никуда тоже не надо. Этим вы только укажете на себя. Пока всё идёт вполне удовлетворительно. Просто если я нахожусь под подозрением у этого вашего Рентгена, то с его стороны вполне логичным было бы проверять всех сотрудников РАО, так или иначе имевших со мной контакты. Включая вас. Это обычная процедура, и если он ещё не сделал этого, то сделает в ближайшее время. Просто будьте к этому готовы и стройте беседу так, как я вас учил. А сейчас лучше подумайте, не добавилось ли с сегодняшнего дня в ваших буднях новых людей? Возможно, в свете текущих событий, служба безопасности усилила вашу охрану? Вам не предлагали более надёжных людей или дополнительный автоэскорт? Быть может, новый помощник или секретарша? Ремонтные работы в кабинете, неполадки в корпоративной сети, забарахлившее оборудование? Соседи по лестничной клетке здесь, в Ухте?

— Нет, — Прокопенко тщательно перебирал в памяти все лица, что попадались ему сегодня с самого утра и до сего момента, — ничего такого.

— Вот и отлично! — просиял резидент. — Это хороший знак. Так что не волнуйтесь попусту раньше времени. А когда что-нибудь подобное произойдёт, то тем более не волнуйтесь. У Рентгена на вас ничего нет, иначе вы давно уже сидели бы под арестом. Он попытается спровоцировать вас, надавить на психику, чтобы вы сорвались. Помните об этом и ведите себя, как занимающий весьма ответственный пост добропорядочный гражданин, которому нечего бояться. И всё образуется. Об остальном я позабочусь.

— Вы уверены, что я не под колпаком, или как это у вас называется? — недоверчиво взглянул на резидента чиновник. — Вдруг за мной следят тайно?

— Уверен, — вновь успокоил его Меркулов. — За вами следят, это верно. Сопляк с нелепыми накладными усами. Именно нелепость его действий, демонстрирующая полное отсутствие опыта и профессионализма, является лучшим доказательством того, что контрразведка не занялась вами всерьёз. Иначе наблюдение вели бы гораздо более умелые специалисты, можете мне поверить. Так что, повторюсь, на данный момент вам не о чем беспокоиться.

Возвращайтесь к своей работе и держите меня в курсе любых новостей, касающихся Рентгена и Ферзя.

Резидент-«художник» пододвинул к себе фирменную коробку и с сокрушённым видом принялся складывать в неё галстуки.

— Очень жаль, что вам так ничего и не подошло в нашем магазине, — вздохнул он, — для живущего на одну зарплату чиновника, общеизвестного своей честностью и неподкупностью, у вас слишком притязательный вкус.

— Может, мне стоит купить что-нибудь? — Прокопенко вновь опасливо покосился на скучающего за витриной телохранителя, — чтобы не вызывать лишних подозрений?

— Обязательно, — не меняя печального выражения на лице, одобрил его мысль Меркулов, — но не в моём павильоне. Зайдите в соседний и приобретите там галстук. Вот такой, — он показал на одну из брендовых вещей, — там он на пятьсот рублей дешевле. Сошлитесь на дороговизну моего магазина, вашего охранника это объяснение вполне удовлетворит. И если вдруг кто-то более сообразительный из его коллег захочет проверить, что это вы там покупали и у кого, проверка ничего не даст. Желаю приятно провести день, — заулыбался он, — заходите к нам ещё, через месяц мы ждём обновления коллекций!

Прокопенко попрощался и покинул павильон. В точности выполнив указания Меркулова по поводу галстука, он решил ещё немного послоняться по торговому центру, чтобы привести в порядок мысли, расплзающиеся в разные стороны от страха. Игра, которую он затеял, могла стоить ему жизни, тем более что вёл он её с людьми, в подобных интригах съевших не одну стаю собак. Но иного выхода у него нет. Вся эта история с лабораторией вышла из-под контроля, и он уже никак не мог влиять ни на Ферзя, ни на Меркулова. Если раньше он держал руку на пульсе всего, то сейчас лишь исполнял указания то одного, то другого, ежеминутно ожидая удара в спину. И если Салмацкому он уже стал не нужен, то интерес хозяев Меркулова необходимо подогревать любыми путями, иначе не видать ему безбедной жизни за пределами этой дикой страны. При этом ещё нужно обезопасить себя со всех сторон. Ради этого он и разработал свой рискованный, но весьма дерзкий план.

Для его осуществления ему был необходим исполнитель, обладающий целым набором определённых качеств: тщеславие, глупость, самоуверенность, доступ к секретной информации и серьёзные связи в ФСБ. Словом, племянник генерал-лейтенанта Белова, лейтенант Левин, обладатель грозного официального позывного «Хантер» и не менее грозного неофициального — «Чёрный Плащ», подходил для этих целей идеально. Чиновник покосился назад, делая вид, что изучает очередную витрину. «Да, можно себе представить, как веселился Меркулов», — подумал он глядя на крадущегося позади Хантера. В глубоко натянутой на глаза бейсболке и чёрных очках, да ещё с накладными усами на непроницаемо-серьёзном лице, лейтенант, добровольно вызвавшийся «скрытно подстраховать» Прокопенко, даже в толпе посетителей бросался в глаза метров, эдак, с двухсот. Как раз то, что надо. Этого обвести вокруг пальца будет несложно. Кто знает, возможно, со временем он сможет полностью «приручить» Хантера и извлечь из их «сотрудничества» немалую пользу. Ведь все знают, что рано или поздно лейтенант займёт кресло своего дяди, недаром его затащили в такую глушь — о правильном послужном списке необходимо заботиться с младых ногтей.

Как бы то ни было, отступать поздно. Процесс пошёл, как говорил один очень умный политический деятель, являющийся для Прокопенко превосходным примером. Этого человека было за что уважать — он не просто с точностью выполнил все указания своих заокеанских хозяев и получил за это материальные блага, но и добился от них, фактически, неприкасаемости. Живёт с тех пор припеваючи в лучшей стране мира, уважаемый человек, нобелевский лауреат, читает лекции в престижном университете, богат, знаменит и всегда желанный гость на любой политической тусовке, и не только

политической! И никто, что особенно радовало Прокопенко, никто не крадётся за ним с ледорубом в руке, как за Троцким. Вот что значит ПРАВИЛЬНО организованное общественное мнение! Вот как надо работать! А этой дикой стране никогда не быть законодателем мировых тенденций, недаром все умные люди, заработав достойные деньги, первым делом стремятся устроить свою жизнь в цивилизованных государствах, используя родину в качестве кормушки. И это верно, на большее она и не способна. Вот почему так важно сейчас сохранить ценность его, Прокопенко, для хозяев Меркулова. А раз самим Меркуловым плотно заинтересовалась контрразведка, умнее всего сделать так, чтобы он был вынужден вернуться на родину. И чем быстрее, тем лучше.

Прокопенко невольно вздрогнул, вспоминая ничего не выражающий взгляд Рентгена, словно пронизывающий его насквозь. Этот если вцепился, то уже не отстанет, питбуль по сравнению с ним просто новорождённый щенок. У Меркулова нет шансов, что бы он там себе ни думал. И Прокопенко не собирался рисковать своим благосостоянием и, тем более, свободой, лишь потому, что резиденту захотелось померяться силами с контрразведчиком. Эти двое стояли друг друга, но он вовсе не желал выяснять, кто из них круче. Рентген не отстанет от Меркулова, так что пусть вместо него пришлют другого, пока ещё не поздно. Новичок будет вынужден прислушиваться к Прокопенко хотя бы в первое время, пока не освоится в местной грязи и его снизившаяся в глазах заокеанских хозяев ценность вновь возрастет. И станет даже выше, чем прежде, уж он-то об этом позаботится. Так что его план одновременно прост и сложен: нужно вынудить Меркулова передать свои дела кому-нибудь другому. Но сперва пусть избавится от Салмацкого. «Кстати, что с ним всё-таки стало? Хантер уже должен знать, пора возвращаться в офис». Прокопенко отвернулся от витрины, посетовал охраннику на повальную дороговизну, всюду душащую честных людей, и направился к выходу.

Однако сразу переговорить с Хантером чиновнику не удалось. Едва он зашёл в приёмную своего кабинета, как его тут же встретила профессор Николаева.

— Максим Анатольевич! — Она хмуро посмотрела на его секретаршу, при виде входящего Прокопенко встающую из-за стола с целым ворохом бумаг и служебной корреспонденции. — Я прошу вас уделить мне несколько минут немедленно! Я уже привыкла к тому, что каждый день в РАО есть сплошной несчастный случай, но сегодняшние события стали из ряда вон выходящими! Даже по местным меркам!

— Разумеется, Людмила Петровна! — Чиновник со всей серьёзностью кивнул. — Проходите! Вы же знаете, для представителей передовой российской науки у меня всегда найдётся время! — Он строго взглянул на секретаршу: — Меня ни для кого нет ещё десять минут. Я не вернулся с обеда.

— Да, Максим Анатольевич, — ответила та, возвращаясь за свой стол. — Полчаса назад звонил дежурный по Службе Собственной Безопасности. Просил передать вам, чтобы вы связались с Рентгеном, как появитесь.

— Они сказали, что именно им нужно? — Прокопенко постарался ничем не выдать мгновенно охватившего его страха. — Какие-то проблемы с материально-техническим обеспечением?

— Не знаю, — секретарша неопределённо пожала плечами, — он ничего не сообщил. Просто оставил вызов и всё.

— Хорошо, я вас услышал, — кивнул чиновник, открывая дверь кабинета. — Людмила Петровна, прошу вас!

Он пропустил вперёд учёную и, недовольно скривившись ей в спину, затворил за собой дверь. Что за каша у неё вместо мозгов, если она до сих пор здесь? Давно уже стоило всё понять, собрать вещички и тихо, спокойно вернуться домой, не отвлекая серьёзных людей своей мышшиной вознёй. Особенно сейчас, когда у него полно в сто раз более важных забот и голова занята массой действительно серьёзных мыслей. Прокопенко предложил учёной присесть и направился к своему креслу.

— Итак, в чём проблема? — спросил он, запуская компьютер. — Ремонтная бригада, ликвидирующая последствия прорыва в системе водоснабжения, работает слишком медленно? Обговорённые нами сроки срываются?

— Ремонтники работали очень хорошо, — покачала головой Николаева, — они полностью восстановили лабораторию. Но час назад пришли люди из Службы Собственной Безопасности и прекратили все наши работы. Опечатали склад со всем оборудованием, как они сказали, «до выяснения некоторых обстоятельств». Доцент Степанов в настоящий момент находится на допросе у

некоего Рентгена, меня же настоятельно просили явиться к нему в кабинет через час. Я бы хотела узнать, что всё это значит? Нам не дали никаких объяснений! Возможно, вы сможете внести в происходящее немного ясности? И, возможно, это как-то связано с теми системами слежения, что установили в предназначенной для нас лаборатории ваши строители?

— Системы слежения? — нахмурился Прокопенко. — В вашей лаборатории?! Боюсь, я не вполне понимаю, о чём идёт речь, Людмила Петровна...

— Она идёт о полутора десятках скрытых микрофонов и видеокамер, которые вмуровала в стены выделенного для нас помещения самая первая строительная бригада! — прервала его профессор. — Нас что, в чём-то подозревают? Если да, то в чём именно? Мы здесь уже три недели, но до сих пор не смогли провести ни единого эксперимента! Нам пришлось ужать план исследований до минимума, сократив его до четырёх важнейших опытов, но в свете текущих событий мы не сможем сделать даже этого! Мы не делали и не делаем ничего противозаконного, и потому я хотела бы получить от вас прямой ответ: что послужило причиной ареста лаборатории и оборудования?! Я немедленно свяжусь с Москвой!

Чиновник злорадно ухмыльнулся про себя. «Ага, давай-давай. С Москвой она свяжется! Да Москва сама связалась со мной по этому вопросу ещё за неделю до вашего появления здесь! Надо было дружить со своим начальством и не мнить себя новыми Эйнштейнами, вероятно, тогда всё у вас сложилось бы по-другому». Надо признать, Служба Безопасности его порадовала! Так категорично перекрыть кислород Николаевой он бы не смог. Рентген, сам того не зная, помог ему самым лучшим образом. Теперь поручение академика Линдера можно считать исполненным.

— Никаких следящих систем устанавливать вам я не приказывал, — с обеспокоенным выражением на лице произнёс Прокопенко, — но теперь, кажется, понимаю, что могло послужить причиной ваших злоключений. Когда было принято решение о выделении в ваше распоряжение помещения в данном складе, я попросил подполковника Ферзя, командира Отряда Особых Операций, курировать вас и оказывать всяческое содействие. Это было логично, так как склад размещён в непосредственной близости от базы Спецотряда.

— Подполковник Ферзь занимался нашими проблемами недолго, но за те несколько дней, что он держал контроль над ними, было сделано больше, чем за все последующие! — заявила Николаева. — Нам, право, очень жаль, что подполковнику выпали столь серьёзные испытания, но...

— К сожалению, они не закончились, Людмила Петровна, — оборвал её Прокопенко. — Подполковник Ферзь вновь пропал в Жёлтой Зоне, причём об этом даже не объявлено официально, ходят лишь слухи!

— Мы уже слышаны, — нахмурилась профессор. — И что, вы хотите сказать, что нас подозревают в его исчезновении?! Это же абсурд!

— Разумеется, я не имел в виду ничего подобного! — с выражением абсолютного участия воскликнул чиновник. — Но в настоящий момент Служба Собственной Безопасности проверяет всех, с кем общался Ферзь в последнее время. Кстати, сам факт установки систем слежения в вашей лаборатории очень меня настораживает. Я ничего об этом не знал, да и для проведения подобных мероприятий мне нужна санкция Службы Безопасности. Зато подполковник Ферзь мог инициировать такие работы и без моего ведома, это входит в рамки его компетенции. Не думаю, что он в чём-то подозревал вас, скорее всего, у него имелись свои планы на это помещение в дальнейшем, после вашего отъезда. Не исключено, что именно наличие этой системы слежения и послужило причиной для ареста склада.

— И что теперь? — Николаева недовольно поморщилась. — Нам предстоит объяснять это следователям? Что вообще у вас тут творится?! Театр абсурда, право! Нам что, могут не вернуть наше оборудование? «До выяснения некоторых подробностей?»

— Не волнуйтесь, Людмила Петровна, — поспешил ободрить её Прокопенко, — руководитель следственной бригады, Рентген, очень, я подчёркиваю, очень высокопрофессиональный специалист своего дела. Я уверен, он быстро разберётся в деталях вашего участия в деятельности подполковника Ферзя и примет правильное решение. Ответьте на все его вопросы, и вот увидите, уже завтра со склада снимут арест! Со своей стороны я позабочусь, чтобы Рентген получил исчерпывающую информацию о вашей полной непричастности ко всему происходящему. Тем более, что он, как вы наверняка могли

слышать, ждёт моего звонка. Полагаю, Рентген захочет со мной встретиться так же, как и с вами, ведь по долгу службы я неоднократно встречался с подполковником Ферзём незадолго до его трагического исчезновения. Обещаю, я сделаю всё, что в моих силах! Вы же знаете, я всегда на вашей стороне!

— Я очень на это надеюсь, Максим Анатольевич! — хмуро ответила Николаева. — Могу я просить вас связаться со мной после вашего с ним разговора? Я бы хотела знать, что вообще происходит и кем он видит нас в этом деле, вне зависимости от того, что он посчитает нужным рассказать мне на предстоящем допросе.

— Вы слишком драматизируете! — Чиновник был само участие. — Это всего лишь беседа, ни о каком допросе не может идти и речи! Обещаю, завтра с обеда, в крайнем случае, послезавтра с утра, в вашей лаборатории станет возможно проводить любые эксперименты, столь важные для российской науки. Мы уже полностью закончили ремонт, включая переподключение электропитания и новых шин заземления. За оставшиеся четыре дня вы сможете провести все запланированные опыты, о которых шла речь. Я же лично поручусь за вас перед Рентгеном, и надеюсь, этого окажется достаточно!

— Хотелось бы верить, — голос Николаевой не выражал энтузиазма. — После всего, что произошло здесь, я поневоле начинаю верить в теории заговоров.

Селектор на столе Прокопенко мигнул индикатором, и в кабинете зазвучал голос секретарши:

— Максим Анатольевич, к вам Хантер из Службы Безопасности. Говорит, что дело не терпит отлагательств.

— Пригласите. — Чиновник щёлкнул клавишей селектора и перевёл взгляд на профессора: — Вот и ваш куратор. Полагаю, у Службы Безопасности вопросов ко мне больше, чем к вам, раз они прислали сюда своего человека. С вашего позволения, Людмила Петровна...

— Не буду вам мешать, Максим Анатольевич, — Николаева поднялась с кресла, — и жду от вас вестей. Надеюсь, они будут хорошими.

— Не сомневаюсь в этом! — Прокопенко проводил её до дверей.

Учёная дама вышла в приёмную, скользнула безразличным взглядом по пытающемуся заигрывать с секретаршей Хантеру и вышла вон. «Сейчас Рентген в полной мере даст почувствовать этой напыщенной индюшке, что такое настоящий стресс! — злорадно подумал чиновник. — Интересно, это у него часть работы или непроизвольно получается медленно выматывать из человека душу вопросами, после которых невинный младенец почувствует себя закоренелым грешником? Ничего, этой парочке научных зануд только на пользу, собьёт высокоинтеллектуальную спесь!»

— Проходите, Хантер, — Прокопенко сделал приглашающий жест и заявил секретарше: — Меня по-прежнему ни для кого нет.

Лейтенант подошёл к столу и вальяжно развалился в кресле. За прошедшее время он успел переодеться и снять накладные усы, лишь из нагрудного кармана форменной куртки выглядывали чёрные очки с огромными стёклами. А когда Левин снял с головы форменную кепи, то внезапно оказался наголо выбритым.

— Что-то случилось? — насторожился Прокопенко. — Вы эээ... сменили причёску, Хантер. У вас недомогание?

— Чего? — не понял лейтенант. — А! Это так надо! Я же на задании государственной важности!

— Вы имеете в виду, что это как-то взаимосвязано, — переспросил чиновник, — полное отсутствие волос и степень эффективности работы?

— Это профессиональные тонкости, — важно заявил тот, — настоящий Хантер должен быть лысым, это абсолютно точно. Итак, к делу! Я всё проверил, встреча прошла чисто, хвоста за вами не было. Где галстук? Я должен его осмотреть!

— Галстук? — не понял Прокопенко. — В смысле?

— Ну, галстук, который вы купили у связного! — объяснил Хантер. — Разве вы не поняли? Это же контейнер! В него вшиты дальнейшие инструкции! Я должен изучить их! Думаю, связь Ферзя с иностранной резидентурой более не вызывает сомнений, и можно подключать к нашему делу контрразведку.

— Боюсь, что не всё так просто, Хантер. — Прокопенко сделал предельно серьёзное лицо. «Ну, надо же, каков идиот! Однозначно, лейтенант Левин просто находка! И как только генерал Белов отпускает племянника одного, без присмотра?» — Дело в том, что галстук я просто купил для себя, в самом

обычном магазине. Разговор же с вражеским резидентом состоялся ранее, в предыдущем павильоне. Помните, там ещё продавец такой смешной, в расклёпанной косухе с бородкой и бакенбардами?

— Что он вам передал? — насторожился лейтенант. — Там было видно плохо, витрина заставлена всяким барахлом!

— В том-то и дело, что ничего, — покачал головой Прокопенко. — Мы имеем дело с очень хитрым и опытным противником, они не оставляют против себя улики. Чтобы собрать серьёзные доказательства, необходим грамотный специалист, настоящий профессионал своего дела. Именно поэтому я и обратился к вам, Хантер. Вы блестяще подготовлены, у вас живой ум с аналитическим мышлением, и в то же время в силу своей молодости вы ещё нигде не засветились. Идеальная ситуация! Противник не будет ожидать от вас серьёзных действий и потому допустит ошибку!

— Согласен! — важно заявил лейтенант. — Я использую элемент внезапности и перевес своих личных качеств. Итак! Что хотел от вас резидент?

— Полагаю, он ещё не доверяет мне в полной мере, — нахмурился чиновник, — его интересовало, почему Ферзь перестал выходить на связь. Он потребовал подробную информацию обо всём, что касается его исчезновения. Я думаю, надо дать ему то, что он хочет, тем самым мы приобретём его доверие.

— Но это государственная тайна! — Хантер недовольно наморщил не только лоб, но и кожу на макушке, став похожим на ощипанную курицу. Маленькая голова нелепой формы, лишённая волос, никак не добавляла ему мужественности, однако, судя по лейтенанту, сие обстоятельство было ему неизвестно. — Мы не можем выдать такую информацию противнику! Надо подсунуть ему дезу! Я скажу дя... генералу Белову, он организует правдоподобную историю!

— Я же говорил вам, что Ферзь действует не один, — покачал головой Прокопенко, — помните? А если резидент сможет каким-то образом проверить данные и разоблачит нас? Или, что ещё хуже, сообщник Салмацкого имеет доступ к секретным документам, а ведь наверняка так и есть! Едва наши сведения поступят в Службу Безопасности, произойдёт утечка и всё, резидент уйдёт! Скроется, и мы провалим дело! Не сможем вскрыть шпионскую сеть! Это недопустимо! Нет, пока мы не получим весомые доказательства, я никому не могу доверять в Службе Безопасности, только вам, Хантер. Любой из тех, кто служит здесь долго, может оказаться потенциальным подручным Ферзя!

Прокопенко многозначительно посмотрел на лейтенанта. Можно было не сомневаться, что тот примет правильное решение.

Заполучить себе Хантера не составило никакого труда. В первую же встречу Прокопенко рассказал ему страшную историю о том, как Салмацкий при помощи шантажа добивался от него предоставления неких секретных данных о движении финансовых потоков РАО и конфиденциальной информации о членах Совета Директоров «Ареала». Якобы Ферзь как-то организовал перебивку уникальных номеров на ёмкостях с нефтью «Тип X», уходящих в утилизацию вследствие выработки ресурса, и теперь имел возможность получить крупную партию неучтённой нефти. Но так как подписи на документах стояли прокопенковские, то, в случае отказа чиновника, Салмацкий грозил подставить его под обвинение в хищении нефти, что автоматически влекло за собой обвинение в измене Родине. Причём Ферзь прямо сказал, что действует не один, и за каждым шагом Прокопенко теперь будет следить его сообщник, который немедленно уберёт его в случае малейших сомнений. Прокопенко, как истинный патриот, не поддался на шантаж и решил помешать планам врагов России. Но, так как в руках у Салмацкого теперь находились сфабрикованные против него улики, не решился официально обращаться в Службу Безопасности. И даже не потому, что боялся очернить своё доброе имя и потерять репутацию, пусть даже на некоторое время. Нет, для него, Прокопенко, это ничто по сравнению с ущербом, который несёт страна от действий вступивших в сговор с врагом предателей. И потому, чтобы не спугнуть иностранную резидентуру, он решил обратиться к Хантеру-Левину, что в сложившейся ситуации было единственно верным решением. Честность и патриотизм лейтенанта, учитывая его происхождение, не подлежали ни малейшему сомнению, его профессионализм выпускника московской Академии ФСБ также не вызывал никаких вопросов, а его возраст делал Хантера малозаметным в глазах врагов.

Сопляк проглотил всю эту чушь мгновенно, а после того, как Прокопенко предоставил ему некоторые улики, собранные им на Ферзя, полностью уверовал в рассказанную сказку. И теперь чиновнику предстояла самая рискованная часть его плана: необходимо избавиться от Салмацкого.

Наиболее подходящий способ реализовать это намерение — столкнуть их с Меркуловым. Теперь, когда у Прокопенко есть Хантер, получать информацию о планах Ферзя будет несложно. Останется лишь донести её до резидента, а там, как говорится, дело техники. После того, как Салмацкий выйдет из игры, главная опасность, нависшая над чиновником, исчезнет вместе с Ферзём. Всё, что необходимо будет сделать потом, это грамотно, небольшими порциями, скармливать лейтенанту данные о махинациях Меркулова. Резидент быстро поймёт, что раскрыт российскими спецслужбами, и его арест — лишь вопрос времени. Он далеко не дурак, и потому, во-первых, заблаговременно скроется, а во-вторых, не забудет передать Прокопенко с рук на руки своему преемнику. Всё нормализуется и потечёт, как раньше. Всего-то и забот, что следить за Хантером, дабы тот не наломал дров. Мозгов-то у сопляка, похоже, совсем мало, поговаривают, что он даже на рабочем компьютере умудряется в игрушки играть. В этом и заключается весь риск плана Прокопенко: с одной стороны, лейтенант абсолютно управляем, с другой — не сморозил бы чего от себя лично... Доберись Рентген до Ферзя или Меркулова прежде, чем задуманное чиновником воплотится в жизнь, и всё пропало. Впрочем, если сидеть и ничего не делать, кто-нибудь из соратников Прокопенко стопроцентно организует его ликвидацию. Ферзю он не нужен как лишний свидетель, а Меркулов и глазом не моргнёт, если почувствует, что Рентген заподозрил чиновника, и неважно даже, вследствие чего такое может произойти. Раз этот монстр принялся за резидента всерьёз, случиться может всё, что угодно. И надеяться на авось Прокопенко не собирался.

— Ну... — протянул Хантер, — вообще-то верно... Только что мы можем рассказать резиденту? Рентген вернулся из Жёлтой Зоны без Ферзя. Со всех, кто с ним был, подписку о неразглашении взяли ещё до выхода в Пояс. Никто из них ничего не расскажет, по крайней мере сейчас, это и так ясно. Я не занимаюсь этим делом, хотя вчера вечером слышал, как дядя разговаривал с Рябовым. Он сказал, что Рентген нашёл нелегальную лабу, и в этом был замешан Салмацкий и ещё двое из Спецотряда. Но вроде как Ферзю удалось скрыться, у него ведь «Ариадна». И все вещдоки он унёс собой. А потом они оба недоумевали, мол, Рентген сказал, что Ферзь скрылся в Красной Зоне, а Туман добровольно пошёл за ним, чтобы задержать его или вернуть доказательства. Чушь какая-то! И дядя, и Рябов, оба считают, что это бред, и Рентген просто скрывает от них что-то, потому что не доверяет. Из Красной Зоны не возвращаются, так что он всё это выдумал, долго не напрягаясь. Дядя ещё сказал, что он зарвался совсем, и пора звонить кому следует, чтобы Рентгена поставили на место, а то забыл, с кем имеет дело. Лично я думаю, что дядя прав. Хотя Ферзь с Туманом действительно не вышли вместе с отрядом Рентгена из Жёлтой Зоны, это ничего не значит. Их и в списки погибших или пропавших без вести не включили. Официально они вообще до сих пор числятся на задании. Всё это выглядит неправдоподобно и глупо. Если мы дадим такую информацию резиденту, он точно заподозрит дезу и скроется.

— Не скажите, Хантер! — возразил Прокопенко. — А если это провокация? Проверка? Вдруг сообщник Салмацкого уже уведомил резидента обо всём произошедшем? Или резидент уверен, что получит от него эту информацию, и теперь специально проверяет нас на лояльность? Ведь подручный Ферзя наверняка в курсе событий! Скорее всего, он один из его головорезов, раз Салмацкий заявил, что тот справится со мной без тени сомнения! А раз так, то сообщник этот наверняка знает то же, что знают в Спецотряде!

— Блин, точно! — Глаза Хантера явно осветила вспышка озарения. — Так и есть! Я даже знаю, кто этот сообщник! Это Медведь! Настоящий отморозок, ему человека убить — раз плюнуть! И слухи о нём жуткие ходят, и, самое главное, Ферзь его почти всегда на базе оставляет, когда сам в Зоны уходит! И наоборот, если группа Медведя работает, то остальной отряд обычно никуда не выдвигается. Он ещё вопросы странные мне задавал, когда Ферзь в первый раз пропал! Стопудово делал вид, что ничего не знает! И возле учёных постоянно трётся, которые к Ферзю приехали! Я понял!

— Вот видите! — поддержал его Прокопенко. — Нам нельзя рисковать! Нужно выяснить всё максимально подробно и предоставить резиденту полную информацию! Он проверит её, убедится, что всё в порядке, мы надёжны, а никаких улик против него в лаборатории не найдено, успокоится и даст нам задание! Это и послужит той ниточкой, потянув за которую вы распутаете весь их шпионский клубок!

— Реально так и будет! — довольно заулыбался Хантер, видимо прикидывая открывающиеся в этом свете перспективы. — Значит, так! Когда следующая встреча с резидентом?

— Он пришлёт уведомление на сетевой адрес Салмацкого, который я вам показывал, — ответил чиновник. — Сказал, что у нас есть пара дней.

— Этого хватит, — важно кивнул лейтенант, — я соберу необходимую информацию за завтра-послезавтра. Кстати, я проверил ваши слова насчёт бочек с перебитыми номерами. Ферзь не блефовал. Одну такую бочку я нашёл у тех самых учёных, дело которых мне поручили. Полную! Двести литров неучтённого «Икса»! Раньше её там не было, я точно знаю! Думаю, пришла пора задать им пару вопросов.

— Предлагаю сделать это после того, как резидент убедится в нашей лояльности, — посоветовал Прокопенко, — чтобы не поднимать лишнего шума раньше времени.

— Согласен. — Лейтенант посмотрел на часы и поднялся. — Мне пора, служебные дела государственной важности. Держите меня в курсе событий, а я свяжусь с вами, как только буду готов.

— Непременно, Хантер! — подскочил Прокопенко, пожимая ему руку. — Успехов в службе!

Левин, раздуваясь от важности, наполеоновской походкой вышел из кабинета, и чиновник откинулся на спинку кресла. Ферзь пропал в Красной Зоне! Невероятная удача! Это всё меняет и серьёзно упрощает задачу. Раз бояться выстрела в спину или растяжки под машиной не надо, стало быть, можно приступать к заключительной стадии его плана — вынуждению Меркулова поспешно покинуть страну. Ну, тут проблем не возникнет. Три-пять простеньких махинаций, в результате которых доблестный борец со шпионами Хантер узнает о связи резидента с уголовниками, получит информацию о фирме Меркулова и пару других мелочей — и дело сделано. Прокопенко удовлетворённо улыбнулся. Наконец-то хорошие новости. Теперь осталось лишь продержаться под давлением этого чёртова Рентгена. Как только Меркулов отбудет восвояси, переживать станет более не о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com